

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ КИЛИН

доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории исторического факультета, директор Института Североевропейских исследований, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

kilinyuri@mail.ru

Рец. на кн.: Барон Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 400 с.*

Историография ранней истории советской Карелии пополнилась в 2011 году монографией британского историка Н. Барона, опубликованной московским издательством «Российская политическая энциклопедия», – «Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939». В ее основе – докторская диссертация (PhD), защищенная автором в университете г. Бирмингем в 2001 году под названием «Soviet Karelia, 1920–1937. A study of Space and Power in Stalinist Russia». В 2007 году она была опубликована как монография – «Soviet Karelia. Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939» в Лондоне и Нью-Йорке. Такое название книги в западных странах автоматически обеспечивает грантовую поддержку авторов словами «Сталин» и «террор». Для издания на русском языке было выбрано более спокойное название, в котором отсутствуют оба этих открывающих кошелек грантодателей слова.

Н. Барон вступил на данное исследовательское поле в конце 1990-х годов, как раз в момент, когда завершалась работа над несколькими крупными исследованиями по этой тематике. В 1999 году в издательстве ПетрГУ издали монографию «Карелия в политике советского государства 1920–1941» автора этой рецензии. В 2000 году было опубликовано исследование политической истории советской Карелии, 400-страничная большого формата докторская диссертация М. Кангаспуру, нынешнего директора по исследованиям Александровского института университета Хельсинки, «Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta» («Борьба советской Карелии за самоуправление»). В 2002 году появилась такого же объема докторская диссертация С. Аутио «Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941» («Плановая экономика в советской Карелии 1928–1941»). Все эти работы были фундированы материалами центральных архивов России и Финляндии, архивов Республики Карелия и всей доступной современной тогда исследовательской литературой на русском, английском и финском языках.

Работая над своей докторской диссертацией и монографией, Н. Барон вполне мог бы использовать в необходимой мере уже известные науч-

ные результаты, и не только упомянутых авторов, что еще недавно было принято в научном сообществе. Этому помешали два обстоятельства – незнание финского языка и нежелание цитировать уже опубликованные работы. Это сыграло с ним злую шутку. Заметим, что знание существует не только на тех языках, которыми владеет конкретный автор. Еще относительно недавно, до появления постпозитивизма, это было понятной всем аксиомой. Произнеся приличествующие случаю благодарности в адрес всех российских и зарубежных исследователей, с которыми Н. Барон познакомился в России, он старательно избегает цитировать их работы, сделав это один-два раза, или делает это со значительными искажениями. Сноски книги почти на 90 % состоят из отсылок к архивным делам пяти центральных архивов РФ (ГА РФ, РГАЭ, РГАСПИ, АВП РФ), нынешнего Национального архива Республики Карелия и архива УФСБ по Республике Карелия. Большинство этих архивных дел были до Н. Барона процитированы другими исследователями. Автор этого старательно не замечает, предпочитая самоцитирование.

Такой подход, характерный для современного постпозитивизма («каждый, кто умеет писать, пишет свою историю»), неизбежно привел к известному феномену второго и третьего изобретения велосипеда. На 358 страницах основного текста автор занимается открытием открытых до него дверей. Концептуально он не вносит ничего нового в освещаемую им тему.

Впрочем, кажется, это понятно и ему самому. В качестве метода исследования Н. Барон использует «пространственную историю» французского философа А. Лефевра, применить которую к истории советской Карелии он и обещает (с. 17–18). Впрочем, автор честно предупреждает, что это перспективное направление историографии не «характеризуется единой концептуальной структурой или методологическим аппаратом» (с. 19). И он прав – ни концепции, ни методологии в книге нет, а его собственный парадигмальный дискурс на поверку оказывается старой доброй политической и экономической географией, с тщательным исследованием проблем «центр – периферия» и гораздо ме-

нее тщательным – государственной границы, тем, известных еще историкам Древнего Рима. В итоге мы имеем дело с обильной, квантативно излишней, но своими масштабами вызывающей почтение классической позитивистской фактографией. На страницах «Власти и пространства» господствует его величество «Факт», в основном мелкого достоинства. Качество, особенно достоверность этого факта, в первых трех главах монографии, как будет показано, весьма низкое.

Ситуацию ухудшает хотя и авторизованный, но крайне некачественный перевод, который искажает и даже окарικатуривает исходный текст, на страницах которого живут своей жизнью «ингрийцы» (ингерманландцы), национальная республиканская армия Карелии (имеется в виду Карельский егерский батальон) и город Выпури (Виипури, Выборг), а также ряд других горгулий. Редакторы вежливо поправляют автора лишь в сюжетах, известных им самим, в основном в искаженных названиях советских органов власти и датах.

Первые три главы буквально пестрят нелепостями и фактическими ошибками. Кажется даже, что последние три главы книги писал другой человек. Не все они объясняются некачественным переводом. Введение начинается с утверждения, что «летом 1915 г. Генеральный штаб Российской Империи (так! – Ю. К.) начал работу по расширению... железной дороги... до Мурманска» (с. 15). На самом деле дорогу строило обычное гражданское Управление по строительству Мурманской железной дороги Министерства путей сообщения Российской империи.

Н. Барон, преподаватель истории и исторической географии (!) Ноттингемского университета, уверен, что Карелия и Кольский полуостров находятся в «зоне вечной мерзлоты» (с. 16). Хорошо, что это неправда. Профессионально занимающийся картографией автор сообщает на радость современной финской организации ProKarelia, требующей пересмотра границ Московского мирного договора 1940 года, что граница Столбовского мирного договора (он ошибочно называет его Нотебергским, с. 26, пятая строка сверху) прошла по линии современной границы Финляндии. (До 13 марта 1940 года эта граница действительно в основном совпадала с границей 27 февраля 1617 года) Увеличив в два раза, до 70, количество монастырей в Карелии (с. 25), автор сообщает еще сохраняющему оптимизм пытливому читателю, что после Столбовского договора «финны, поселившиеся на аннексированных шведами территориях, заставляли православных карелов принимать лютеранство и облагали их тяжелыми феодальными налогами» (с. 26). Финны, может быть, и мечтали об этом, но они сами находились под тяжелым гнетом западных цивилизаторов – шведских феодалов. Вообще список фактических ошибок

Н. Барона вместе с комментариями к ним может составить самостоятельную небольшую книгу. Это беда всех авторов, не знающих исследовательскую литературу по своей теме.

Поражает скудость списка литературы, особенно общих работ российских авторов по темам планового хозяйства, военной безопасности, политических репрессий, проблеме «центр – периферия», политического развития в других автономных республиках и областях РСФСР и СССР. Это обусловило полное или почти полное отсутствие контекстов – регионального, союзного, европейского, международного. История советской Карелии рассматривается изолированно. Более того, в книге фактически ничего не говорится о приграничной ее части, расположенной к западу от Мурманской железной дороги. Внимание автора концентрируется преимущественно на территориях вдоль этой дороги, в зоне влияния УСЛОНа и его преемника ГУЛАГа. Это и понятно. Автор книги, написанной в стилистике обличающей «перестроечной» литературы России конца 1980-х годов, не скрывает своего отвращения к Сталину, ведь «главная тема этой работы – сталинский режим», а «сталинизм был не моделью эффективной модернизации, а патологией современности» (с. 17). Мертвого льва не страшно дергать за хвост.

Книга плохо структурирована, она изобилует повторами, из-за слабой внутренней дисциплины текста автор во многих местах сам себе противоречит. Сначала Н. Барон информирует нас о том, что в «последующие годы Гюллинг, руководствуясь принципом экономического притяжения, присоединил к Карелии отдаленные руссконаселенные районы» (в сносках поясняется, что это Пудожский уезд) (с. 71). Забыв об этом утверждении через восемь страниц, автор сообщает, что «Гюллинг также предложил исключить Пудожский уезд (передан КТК в сентябре 1922 г. против желания Гюллинга)» (с. 79).

Смело заявив, что «центр стремился к созданию» в СССР «унитарного государства» (это открытие, или что тогда вообще означает термин «унитарный»? Возможно, автор перепутал СССР с нацистской Германией, ликвидировавшей в 1933 году свои исторические земли?), автор приходит к очевидному при таком допущении выводу о том, что «московские политики... подавляли старые культурные традиции и заменяли их гибридными мутациями, запрещали живые языки и стремились придумать новые алфавиты из различных диалектов и литературу из традиций устного народного творчества». Все это в итоге и привело «к разрушению советской системы» (с. 17). Эта концептуальная гиперисторическая парадигма генерирована самим Н. Бароном. Высказавшись столь концептуально уже во Введении, автор потерял интерес к национальной политике СССР на окраинах и в пространном

тексте книги этот сюжет почти не представлен, да на это у него нет и времени. Ведь есть другие, не менее важные темы.

Одной из них, как и было обещано во Введении, является государственная граница, о которой читатель узнает, что «к концу 1920-х гг. карельская граница имела закрытый, интровертивный и постоянный характер» (с. 61), а власть стремилась «установить полную изоляцию от внешнего мира» (с. 21, 361). Правда, Н. Барон так и не объяснил читателю, как была организована пограничная охрана автономной республики, в каком режиме функционировали приграничные территории, как велась внешняя торговля, упомянув лишь, что «к марту 1927 г. три пограничных отделения насчитывали 1805 бойцов и 520 лошадей» и подразделялись «на 62 отряда» (с. 57). Об организационной структуре погранвойск (отряд – комендатура – погранзастава) автор не знает. Впрочем, как и о структурировании погранзоны на 2, 5, 22, 40 и 100-километровые полосы, каждая из которых характеризовалась своим собственным режимом, сохраняющимся в общих чертах и до настоящего времени. Автор, правда, в нескольких местах упоминает о последних трех полосах, но в другом контексте.

Не все плохо в этой книге, вторая ее часть, последние три главы, представляет собой определенную эмпирическую ценность, факты здесь изменяют свой масштаб и становятся частью более осмысленного и достоверного знания. Одним из центральных сюжетов монографии является экономическое планирование в советской Карелии – один из немногих сюжетов, не считая тщательно выписанной истории УСЛОНа и ГУ-ЛАГа (шестая, последняя, глава книги – ее наиболее фактологически ценная часть), в которой автор тщательно детализирует концептуально известную и до него тему отношений в четырех-

угольнике Ленинград – РСФСР – СССР – автономная Карелия. Скрупулезно рассмотрены темы особых экономических прав АКССР и формирования ее бюджета в ходе борьбы указанных выше центров власти, между которыми Карелия Э. Гюллинга до лета 1935 года успешно маневрировала.

Тема экономического планирования, возможно, была бы раскрыта еще основательнее, если бы Н. Барон знал о существовании со второй половины 1920-х годов во всех союзных и автономных республиках суженных заседаний СНК (орган власти, в который входил узкий круг гражданских и военных должностных лиц) и сектора обороны Госплана СССР. Эти структуры играли определяющую роль в планировании в приграничной зоне СССР от Мурманска до Одессы, в так называемой «особо угрожаемой зоне».

Не будем пристрастными к Н. Барону, памятуя о том, что докторские диссертации в современных западных странах, очень разные по своему уровню, фактически играют роль научно-квалификационных работ. У находящихся в постоянном цейтноте диссертантов мало времени для доводки своих рукописей до ума, а существующие в комплиментарном политкорректном мире диссертационные советы и оппоненты нетребовательны к начинающим ученым. Не будем забывать и о социальном заказе, он существовал не только в СССР и не только среди историков КПСС. Выскажем автору благодарность за колоссальный по объему эмпирический материал, который он собрал между передней и задней обложками своей книги. Увидим и положительную сторону фактографического подхода – гигантский компендиум, сборник первоклассных документов, прежде всего писем, авторами которых выступали в том числе и некоторые первые лица СССР.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности.